

граждане наиде страх». О «городничих» в тексте «Истории» говорится не «летеста» (так в Ипатьевском списке), а очевидно, под влиянием неправильного текста «изыдоша». Следовательно, в понятии Татищева «два городничих» не городские стены, а какие-то должностные лица. Это предположение подкрепляется текстом II редакции, где прямо сказано не «городничих», а «городничие»: «Римовцы же, укрепяся, мужественно оборонялись, но два городничие, собрав людей, вышли из града и, бияся, перешли за болото и тако спаслися» (T_2).

Но, чтобы на этот счет не оставалось сомнений, обратимся к «Лексикону, сочиненному господином Тайным Советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым». Там читаем: «Городничей, называны прежде объезжие и огневщики, их должность большею частию полицейская, а о запирании и отпирании городских ворот в крепостях, плац-Майорская, они были учреждены при царе Иоанне I, и ныне, в малых городах, где полицмейстеров не определено, имеются городничие».¹⁹

Поскольку значение слова «городничих», данное в «Лексиконе», совпадает со значением этого же слова, выясняющегося из контекста рассказа, и причем смысл, вложенный Татищевым, очень далек от того, который имеет древнерусский термин «городница», то есть все основания считать, что данная правка проведена Татищевым. И как следствие непонимания значения одного слова, картина осады города Римова, данная в «Истории Российской», не совпадает с той, которая известна по летописи. Перед нами попытка творческого осмысления непонятного текста, в результате которой появляется ряд новых моментов: исчезает предложение «на прочая граждане наиде страх», его место занимает теперь фраза: «два городничие, собрав людей, вышли из града» (T_2).

Неверно истолковано Татищевым и слово «пяток» (I), «пят» (E), в древнерусском языке обозначающее «пятница». В летописи указывается на то, что в пятницу Игорь бежал из плена: «Се же сотвори Господь избавление в пят в вечер» (E). Татищев же «в пяток», «в пят» неправильно понимает как «впятером»: Игорь «пошел к реке, оную перебрел. И сядши на кони, поехали сквозь жилиста половецкие сам пят»²⁰ (T_2).

Данные правки летописного рассказа могут быть наглядным примером того, как Татищев по своему разумению передавал смысл летописного источника.

В рассказе «Истории Российской» обнаруживается и ряд пропусков по сравнению с летописью. Их можно объяснить как чисто стилистическую правку. Татищев исключает предложения, которые в контексте рассказа не несут нового содержания. Так, например, изъято предложение «бѣше бо совещал со Лавром бежати в Русь» по той, возможно, причине, что об уговоре Игоря с Лавром «бежати в Русь» сообщалось выше, и т. д. Сокращения такого рода не влияют существенно на описание событий; они освобождают текст от повторений, хотя опять-таки подтверждают, что изложение в «Истории» ведется не в строгом соответствии с летописью.

Но в рассказе Татищева есть немало пропусков, имеющих принципиально важное значение. Например, Татищев исключает из своего повествования покаянную речь Игоря, речь, присутствующую во всех списках Ипатьевской летописи, в том числе и в Ермолаевском. Пропуск исповеди

¹⁹ Лексикон Российской, сочиненный господином Тайным Советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым, ч. II. СПб., 1793, стр. 64.

²⁰ Этот случай непонимания Татищевым текста летописи приводится в статье Д. С. Лихачева «Изучение „Слова о полку Игореве“ и вопрос о его подлинности». (В сб.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII в. М.—Л., 1962, стр. 65).